ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

Август-76

Три тысячи молодых строителей — посланцев украинских вузов — приняла Всесоюзная ударная. Они рубят просеки, строят дома, дороги и... пишут стихи.

А. ЧАЙКА

Звездные города

Ведь, правда, это здорово,
ребята.
Дарить рассвет разбуженной
стране.
В наш бурный век,
на подвиги богатый,
Мы не хотим остаться
в стороне.
Нам два семестра —
словно две недели.
А третий нас в дорогу
позовет.
Встречайте, сосны и седые
ели,
Веселый неуступчивый народ.
Пусть нелегко, ведь нам
уют не нужен,
Со мной рюкзак, как самый
верный друг.
Летим туда, где северные
вьюги
Полярный прочертили круг.
Уходят в космос
быстрые ракеты,
Товарищ, ведь придет еще
пора:
Нам станет мало
голубой планеты —
Мы звездные построим
города.

Новые имена

Е. ЧИКИШЕВА

* * *

Я уехала просто —
Не растратила слов —
На неведомый остров

Средь болот и лесов
И не плакала мама,
Оставаясь одна:
Ее дочка упряма —
Это знает она.

Перелески, дороги,
В грустной дымке столбы
Недосказки, тревоги,

Повороты судьбы.
От прощального тоста
Белоствольных берез
Я уехала просто
Не растратила слез.

* * *

Земля моя, поженщина,
Ты сердцу дорога
Вся ручьями звенна,
Болота да тайга.

Морозами трескучими
Мне сердце застуди
И к Холмогорью кручами
Веди меня, веди.

Земля моя, поженщина.
Не сыщу краш твою.
Люблю тебя, как женщину,
Как мать свою люблю.

Зо́лотая осень

не за горами. Издавна поэты посвящали ей свои лучшие произведения. Клуб объявляет стихотворный конкурс, посвященный этому чудесному времени года. Лучшие стихи будут опубликованы на сентябрьской странице.

Б. ДОЛГУШИН

Мне так сегодня одиноко,
Хочу я свежий воздух пить:
Хочу я жить,
Но жить не самотеком —
Хочу любить страдать,
творить
Душа моя не обмелела
Не отпела,
И благо, что не отболела.

* * *

К чему прощение,
Отмщение, общение?
И все с людьми
И все среди людей.
К чему покорство
Притворство
И упорство?
И все с людьми
К чему мне сносность
И к чему мне смеять?
К чему любовь?
Природы коловерты
К чему весна
Цветы и розы?

К чему та осень?
На небе — просинь!
Бездушие
И сердце опесень!
К чему?
К чему??
К чему???
И все с людьми
И все среди людей.
Пожалуй,
Все простительно
Все относительно,
Все поразительно
И удивительно
СРЕДИ ЛЮДЕЙ!

* * *

Вот опять тоскует
голос одинокий,
Он давно не плакал,
как и небо
Он такой душевный
и пазекий
Он давно веселым
не был.

Случай в „Огнетушителе“

● На веселой волне

ЛЕГКИМ жестом Сидоркин смахнул с плеча пиджака невидимую пылинку, провел рукой по гладко причесанным волосам и, довольное, в двадцатый раз осмотрел в зеркало свою небольшую, с чуть выпирающим брюшком фигуру.

— А неплохо, совсем неплохо вы еще выглядите, дорогой Федор Куприянович! — обратился он к своему отражению в зеркале. — Очень импозантный мужчина!

Затем взгляд Сидоркина упал на стрелки часов, и он вспомнил подлинную причину из-за которой только время провел у зеркала: сегодня ему надо председательствовать на заседании правления их многоуважаемой артели «Огнетушитель». А такая честь, надо сказать, выпадала Федору Куприяновичу не часто.

— Т-т-товарищи, — чуть заикаясь от волнения начал Сидоркин... — М-многоуважаемые коллеги! Разрешите так сказать, ваше собрание считать открытым. На повестке дня у нас стоит очень важный и я бы сказал, очень своевременный вопрос. Нам необходимо договориться о мероприятиях по улучшению противопожарной безопасности нашего несгораемого «Огнетушителя». Слово для небольшого сообщения предоставляется нашему бесценному руководителю Ивану Поликарповичу Горяеву.

— Я не задержу долго ваше внимание, — поднявшись на трибуну, густым басом начал Иван Поликарпович. — Я кое-что обдумал и кое-что соображения изложил вот в этом небольшом, — потрясе в воздухе довольно солидной пачкой листов, — докладе.

Зная привычку своего руководителя к многословию и видя в его руках объемистый доклад, присутствующие стали удобнее устраиваться на стульях, а некоторые даже пристраивали под спину свои ватные ввиду духоты пиджаки.

Иван Поликарпович не глядел на своих сотрудников. Он весь ушел в чтение доклада. Раскаты его голоса заполняли комнату вспугивая мух, густо облепивших окна.

— Мы не можем товарищи бороться с пожарами дедовскими методами. Наша продукция выпускает для этого мощную технику: пожарные машины, шланги, брандспойты и эти... как их...

— Огнетушители, — преодолевая легкую дремоту, подсказал Сидоркин.

Иван Поликарпович оторвался на миг от доклада вытер платком и потенный лоб.

— Я думаю, что перерывы делать не будем. Часа через полтора я, наверное, закончу. Так что курить, товарищи можете прямо здесь.

Лица присутствующих приобрели осмысленное выражение, послышался нетромкий смех и к потолку поплыли облака сизого дыма.

С напряжением начал глубокую затяжку в Федор Куприянович.

А голос Горяева продолжал греметь все также могуче гоняя из угла в угол клубы табачного дыма. Почувствовав легкое головокружение Сидоркин вынул изо рта папиросу, тихонько опустив руку под стол и бросил окурок в корзинку с обрывками бумаг.

— Я закругляюсь, — трокал Иван Поликарпович. — Но можем ли мы допустить чтобы народное имущество пожиралось огнем? Можем ли мы допустить, чтобы, в пламени дом всеми уважаемого Федора Куприяновича превратился в груду серпа?

— Горит-им! — заверещал кто-то в президиуме.

Окурок, брошенный Федором Куприяновичем сделал свое черное дело: пожег бумаги в корзине. И пламя по бархатной скатерти подбиралось уже к локтям членов президиума.

В зале поднялся переполох. Все повскакивали со стульев торопливо надевали пиджаки и, отталкивая друг друга, заспешили к дверям.

— Спокойно, товарищи, спокойно! — раскатом густого баса пронеслось по комнате. — Давайте сюда пожарные машины, шланги, брандспойты и эти... как их...

— Огнетушители, — подсказал насмерть перепуганный Сидоркин.

— Вот именно, давайте сюда огнетушители!

Но найти огнетушители оказалось не так-то просто. Во всех коридорах сиротливо торчали ведра, на которых положено висеть этим средствам пожаротушения. Наконец, кто-то догадался сбегать на склад готовой продукции и принести оттуда пару огненно-красных баллонов.

— Спокойно, товарищи спокойно! — кричал Горяев. — Наша продукция никогда не подводила.

И он решительно ударил зеленым огнетушителем об пол. Результата никакого. Горяев повторил эту операцию с большей силой. В баллоне раздалось шипение, струя белой пены ударила Ивану Поликарповичу лицо. Горяев направил струю на огонь. Но фонтан пены неожиданно затих и из огнетушителя раздалось сердитое урчание.

А огонь со стола уже перекинулся на трибуну и жадно поедал страницы объемистого доклада.

Сидоркин испуганно смотрел на пустые ладони своего начальника. Потом сбросил пиджак и с остервенением стал размахивать им, сбивая пламя со стола и трибуны. На помощь ему с двумя ведрами воды поспешила конторская уборщица тетя Нюра. При ее активном участии пожар через десять минут был ликвидирован.

Федор Куприянович, стараясь не глядеть на своего недавнего кумира, пригладил шагом прошел к вешалке, взял в руки шляпу и торопливо выскочил за дверь.

Дома Сидоркин подошел к зеркалу, глянул на свой разорванный пиджак, на покрытый копотью яркий галстук с павлиньим пером, на всклокоченные волосы и устало проговорил:

— Какой уж вы к черту импозантный мужчина, дорогой Федор Куприянович!

ЕВГ. БУТИН

Г. ВАСИЛЬЕВ

Счастливый миг

Когда навстречу чувствам
чьим-то идет,
То мир становится
неумолимым.

Все также чередом
своим плывет,
Но мы об этом глубже
шире знаем.
Второе зрение —
счастливый миг!

Не потому ли истово желаем,
Переходя возвышенно
на крик:
— Остановись!
Но крик не помогает,
А только спугивает чувства,
мысль.

Не детский возраст,
а мужская зрелость
Подсказывает тихо.
миг, прощай!
Давно по-человечески
хотелось
Всем существом подняться
дальше, выше
И окунуть себя в большом
полете.
Хотя бы раз действительная
жизнь
Предстала взору так
как видел Гете!
Мне незазем напрасному
желать.
Жизнь хороша. И кто о ней
не думал,
Кто не хотел бы вовсе
понимать,
Что наша жизнь — не всех
желаний сумма!
Но повторений в мире
все же нет,
Сравнения, доказано,
хромают.
Хочу иметь в душе
желанный свет,
В котором жизнь
прекраснее бывает!

* * *

Синий вечер ушел в тишину
И глядит народившимся
месяцем
За тишиной, порвав стрекоз
И заставив молчать
кузнечиков
Лишь гудят у дорог провода.
Как стремятся усердно
высказать,
Чтобы я не спешил никуда
От родного всего и близкого!
Речка звездное серебро
Собирает несметными
суммами.
С этой нежностью в добром
Я прощаться никак не думаю.
Разве можно в родном селе
Равнодушно встречаться в
юностью,
Где родился, затем сумел
Как птенец, в этот мир
проклюнуться?

* * *

Ни о чем не хочу говорить.
Только слушать бы, слушать
и думать.
Я слова не умею дарить
Как земля свои тайные шумы
От которых так сердце
в груди —
Просветленное, чуткое —
бьется.
Ни о чем не хочу говорить.
Пусть во мне это все
остается.

С ВЕТРОМ НАПЕРЕГОНКИ

Фото И. Дронова.